

Роман Герман

Особенности Кавказской войны в период 1817–1844 годов в донесениях высших военачальников отдельного кавказского корпуса

Герман Роман Эдуардович, кандидат исторических наук, профессор, Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». romger@mail.ru

DOI: <https://10.17323/tjhr.2025.3.28661>

Аннотация: Статья посвящена исследованию специфических черт Кавказской войны, отраженных в официальных донесениях, рапортах и приказах высшего командного состава Отдельного Кавказского корпуса. Целью исследования является выявление, анализ и систематизация ключевых особенностей ведения боевых действий, организации управления территориями, взаимодействия с местным населением, а также восприятия противника и хода войны в целом. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе корпуса донесений именно высшего звена командования как единого специфического источника. Новизна также состоит в попытке выявить не только фактическую канву событий, но и субъективные оценки, стереотипы и приоритеты, присущие высшему военному руководству на Кавказе в рассматриваемый период. В работе анализируются представления военачальников о характере театра военных действий, его влиянии на тактику и стратегию. Изучаются подходы к оценке сил и тактики противника (горцев), фиксация проблем ресурсного обеспечения армии (логистика, комплектование, вооружение). Особое внимание уделяется отражению в документах вопросов административного устройства завоеванных территорий, политики

по отношению к лояльным и враждебным горским обществам. В ходе исследования установлено, что командование постоянно сталкивалось с проблемами адаптации европейской военной тактики к условиям горной войны и партизанским действиям горцев. Документы показывают значительные трудности в логистике и снабжении, которые напрямую влияли на планирование и проведение операций. Анализ позволил проследить эволюцию взглядов на методы «замирения» Кавказа, от исключительно силовых до попыток административно-хозяйственного освоения и привлечения на свою сторону части местной элиты.

Ключевые слова: Кавказская война, Северный Кавказ, Российская империя, имамат, мюридизм, Отдельный Кавказский корпус, горские общества.

Features of the Caucasian War in the Period 1817–1844 in the Reports of the Highest Military Commanders of the Separate Caucasian Corps

Roman E. German, PhD (History), professor, Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

romger@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the specific features of the Caucasian War, reflected in official reports, reports and orders of the senior command staff of the Separate Caucasian Corps. The purpose of the study is to identify, analyze and systematize the key features of the conduct of hostilities, the organization of territorial management, interaction with the local population, as well as the perception of the enemy and the course of the war as a whole. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of the corps of reports from the highest level of command (Corps commanders, chiefs of

staff, commanders of large formations), as a single specific source. The novelty also consists in an attempt to reveal not only the factual outline of events, but also the subjective assessments, stereotypes and priorities inherent in the top military leadership in the Caucasus during the period under review. The paper analyzes the ideas of military leaders about the nature of the theater of military operations, its influence on tactics and strategy. The approaches to assessing the forces and tactics of the enemy (Highlanders), fixing the problems of resource support for the army (logistics, recruitment, armament) are being studied. Special attention is paid to the reflection in the documents of the issues of the administrative structure of the conquered territories, policies towards loyal and hostile mountain societies. The study revealed that the command was constantly faced with problems adapting European military tactics to the conditions of mountain warfare and the guerrilla actions of the highlanders. The documents show significant difficulties in logistics and supply, which directly affected the planning and conduct of operations. The analysis made it possible to trace the evolution of views on the methods of “pacification” of the Caucasus, from exclusively forceful to attempts at administrative and economic development and attracting part of the local elite to their side.

Keywords: Caucasian War, North Caucasus, Russian Empire, imamate, Muridism, Separate Caucasian corps, mountain societies.

Кавказская война, длившаяся с 1817 по 1864 г., стала одним из самых продолжительных и драматичных конфликтов в истории Российской империи XIX в. Стремясь обезопасить свои южные границы и присоединить стратегически важный регион, Россия развернула широкомасштабные военные действия против горских обществ Северного Кавказа, совершавших набеги на села и станицы и не желавших признавать над собой власть Российской империи. Кавказская война, вопреки мифологизации, была не «завоеванием», но сложным процессом интеграции региона в цивилизационное, правовое и экономическое пространство России. В авангарде этой борьбы находился Отдельный Кавказский корпус.

Изучение истории Кавказской войны представляет значительный интерес, поскольку позволяет глубже понять суть процесса присоединения Кавказа к России, выявить особенности применявшейся военной стратегии и тактики. Особую ценность для исследователей представляют донесения и рапорты высшего командования Отдельного Кавказского корпуса, отражающие реальный ход боевых действий, трудности и успехи на этом пути. Перечисленные факторы в совокупности обосновывают актуальность представленного исследования.

В качестве исторических источников в данной статье привлечены приказы, рапорты и донесения военачальников, опубликованные в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» и хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива; кроме того, использованы воспоминания военачальников, участвовавших в Кавказской войне.

Историография статьи может быть тематически разделена на несколько групп: это как обобщающие работы по истории Кавказской войны, так и исследования, затрагивающие отдельные аспекты и периоды российско-кавказских отношений.

Хронологические рамки исследования обусловлены началом Кавказской войны (1817) и завершением командования Отдельным

Кавказским корпусом А. И. Нейдгардтом (1844), поскольку, во-первых, период сменившего его М. С. Воронцова был длительным, порядка 10 лет, и обеспечен достаточно большим корпусом источников, которые могут стать основой для отдельного исследования; во-вторых, после Даргинской экспедиции 1845 г. характер и стратегия Кавказской войны существенно меняются, что также создает возможности для самостоятельного исследования.

Отдельный Кавказский корпус, созданный в 1816 г., сыграл ключевую роль в ходе многолетней Кавказской войны и в присоединении региона к Российской империи¹. Он стал главной военной силой России на Кавказе в первой половине XIX в., а его командиры являлись фактическими правителями края². В целом именно благодаря полководческим и административно-управленческим талантам высшего командного состава Отдельного Кавказского корпуса стало возможным расширение и укрепление позиций России на Кавказе в первой половине XIX в., конечный успех империи в регионе.

Кавказская война, длившаяся без малого полвека, представляет собой уникальное и многогранное явление в российской истории. Ее характер, методы ведения и цели претерпевали изменения на различных этапах. Особое место в этой продолжительной и кровопролитной эпопее занимает период, связанный с именем генерала Алексея Петровича Ермолова³. Его назначение главно-

1 Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. IV / отв. ред. В. К. Гарданов. М., 1969. С. 34.

2 Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 111.

3 В историографии неоднократно рассматривались особенности управления Кавказом А. П. Ермоловым. См., например: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI: Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. С. 167–744; Лисицына Г. Г. Административная деятельность генерала А. П. Ермолова на Кавказе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века / сост. Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына. СПб., 2009. С. 37–48; и др.

командующим на Кавказе в 1816 г. ознаменовало собой переход к новой, более системной и решительной политике Российской империи в регионе. Предшественники А. П. Ермолова зачастую придерживались тактики задабривания горских вождей, выплаты субсидий и ограниченных военных акций, что, по мнению самого Алексея Петровича, не приносило долговременного результата и лишь поощряло набеги⁴. Анализ официальной переписки и воспоминаний генерала позволяет выявить ключевые особенности ведения войны и управления краем, которые стали характерными именно для «ермоловского» периода.

Прибыв на Кавказ, А. П. Ермолов столкнулся с ситуацией, которую он сам в своих «Записках» характеризует как неудовлетворительную. По его оценкам, российское влияние было непрочным, безопасность коммуникаций (в первую очередь Военно-Грузинской дороги) не обеспечена, а практика «покупать» лояльность горцев неэффективна и унизительна для достоинства империи⁵. В своих рапортах императору Александру I А. П. Ермолов настойчиво доказывал необходимость смены парадигмы. «По моему мнению, — писал он, — снисхождение в глазах азиатцев — знак слабости, и я из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены»⁶. Эта цитата ярко иллюстрирует основополагающий принцип его стратегии: утверждение российской власти должно опираться не на временные соглашения и подкупы, а на демонстрацию силы и неотвратимость наказания за враждебные действия.

Стратегия А. П. Ермолова включала несколько направлений деятельности. Продвижение вглубь гор и строительство укрепленных линий: вместо пассивной обороны он инициировал планомерное продвижение российских войск в предгорья и горные районы.

4 Записки А. П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Федорова. М., 1991. С. 15–20.

5 Там же. С. 25–30.

6 Цит. по: Гордин Я. А. Ермолов. М., 2012. С. 403.

Это сопровождалось строительством крепостей и укреплений, создававших опорные пункты для контроля над территорией и пресечения набегов. Ярким примером является основание крепости Грозной в 1818 г. на реке Сунже, которая стала важным форпостом на чеченском направлении⁷. В донесениях А. П. Ермолов подчеркивал стратегическое значение этих укреплений для изоляции враждебных племен и обеспечения безопасности коммуникаций⁸.

Понимая зависимость горцев от равнинных рынков и пастбищ, А. П. Ермолов активно использовал экономическую блокаду как инструмент давления. Доступ к рынкам и зимним пастбищам для «немирных» аулов перекрывался, что создавало серьезные трудности для их выживания и поощряло к переходу на сторону России⁹. Эта тактика, как следует из его рапортов, рассматривалась как эффективное средство принуждения к миру без излишнего кровопролития¹⁰.

Одним из наиболее спорных в историографии, но, с точки зрения А. П. Ермолова, необходимых методов было введение коллективной ответственности аулов за действия своих жителей. В случае набегов, убийств или захвата пленных, совершенных выходцами из определенного селения, карательным мерам (вплоть до разрушения аула) подвергалось все население, если виновные не были выданы властям¹¹. В своих донесениях А. П. Ермолов оправдывал эту жестокую меру особенностями горского менталитета и родоплеменной структуры общества¹². Он считал, что толь-

7 Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II: Ермоловское время. СПб., 1887. С. 112.

8 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 6210. Л. 15–16.

9 Записки А. П. Ермолова. С. 88–90.

10 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6210. Л. 20–21.

11 Потто В. А. Указ. соч. Т. II. С. 155.

12 См. публикацию основных донесений А. П. Ермолова: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. VI. Ч. 1 / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1874. С. 483–528.

ко так можно было заставить самих горцев контролировать наиболее агрессивные элементы внутри своего общества.

В ответ на крупные набеги или открытые выступления против российской власти А. П. Ермолов организовывал масштабные карательные экспедиции. Их целью было не столько завоевание территории, сколько демонстрация силы, наказание виновных и принуждение к покорности. Эти экспедиции, часто сопровождавшиеся разорением аулов и уничтожением запасов продовольствия, описывались в рапортах как суровая, но необходимая мера для «устрашения» и поддержания порядка¹³. Алексей Петрович полагал, что страх перед быстрым и неотвратимым возмездием является главным фактором, способным удержать горцев от враждебных действий.

Также А. П. Ермолов отмечал особенности тактики и восприятие противника. Военные действия на Кавказе в этот период характеризовались спецификой, обусловленной как природно-географическими условиями, так и характером противника. Алексей Петрович прекрасно понимал сильные стороны горцев: их знание местности, умение вести партизанскую войну, внезапные и дерзкие набеги («хищничество», как это называлось в документах того времени), личная храбрость и выносливость. В своих «Записках» он отдает должное воинским качествам отдельных племен, но одновременно указывает на их разрозненность, отсутствие единого командования и склонность к «вероломству»¹⁴.

В тактике русских войск при А. П. Ермолове выделяются следующие особенности. Акцент на инженерное обеспечение: строительство дорог, мостов и укреплений играло колоссальную роль. Он придавал огромное значение созданию инфраструктуры, позволявшей войскам быстро маневрировать, снабжать гарнизоны и контролировать ключевые точки¹⁵. Донесения А. П. Ер-

13 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6210. Л. 23–27.

14 Записки А. П. Ермолова. С. 50–55.

15 *Потто В. А.* Указ. соч. Т. II. С. 120.

молова полны сведений о прокладке просек в лесах, возведении редутов и крепостей.

Для преследования и перехвата горских партий, совершавших набеги, активно использовались легкие отряды, включавшие казаков и пехоту, способные к быстрым маршам в сложной местности. Артиллерия и ружейный огонь регулярных войск были главным преимуществом русской армии. А. П. Ермолов умело использовал это превосходство при штурме укрепленных аулов и в полевых столкновениях¹⁶.

Как уже отмечалось, Алексей Петрович считал устрашение важным элементом войны. Внезапность ударов, решительность действий, суровость наказаний — все это было направлено на подавление воли противника к сопротивлению. В рапортах он часто подчеркивал моральный эффект, произведенный той или иной военной акцией¹⁷.

Восприятие горцев А. П. Ермоловым было сложным. С одной стороны, он признавал их мужество, с другой — рассматривал их как «хищников», живущих грабежом, не способных к созидательному труду и понимающих только язык силы. В его документах часто встречаются характеристики горцев как «непостоянных», «коварных», «не имеющих понятия о чести и данном слове»¹⁸. Эта оценка, безусловно, отражала имперский взгляд и служила оправданием жестких методов управления. Такая позиция была обусловлена необходимостью защитить мирное население предгорий и русских поселенцев от постоянной угрозы разорительных набегов и обеспечить стабильность на стратегически важном южном рубеже империи.

Действия А. П. Ермолова на Кавказе нельзя рассматривать в отрыве от широкого геополитического контекста. Он прекрасно осознавал стратегическую важность региона как барьера против влияния Османской империи и Персии, которые традиционно

16 АКАК. Т. VI. Ч. 1. С. 497 и далее.

17 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6210. Л. 30–32.

18 Записки А. П. Ермолова. С. 75.

поддерживали антироссийские настроения среди горцев и стремились сохранить свое влияние в Закавказье¹⁹. В своих донесениях А. П. Ермолов постоянно указывал на интриги персидских и турецких агентов, подстрекавших горцев к враждебным действиям²⁰. Укрепление российской власти на Северном Кавказе рассматривалось им как необходимое условие для обеспечения безопасности Закавказья (Грузии, присоединенных ханств) и дальнейшего продвижения российских интересов в Азии. Строительство крепостей, прокладка дорог, «умиротворение» враждебных племен — все это было частью большого плана по превращению Кавказа в надежный форпост Российской империи на юге²¹. А. П. Ермолов видел свою миссию не только в подавлении сопротивления, но и в цивилизаторской роли России, которая должна была принести в регион законность, порядок и безопасность, пусть даже и путем применения силы. Эта позиция полностью соответствовала имперской парадигме того времени и целям российского государства.

Период командования генерала А. П. Ермолова на Кавказе (1816—1827) стал переломным этапом борьбы за распространение российской власти в регионе. Анализ источников позволяет выделить ряд ключевых особенностей, отличавших его подход от политики предшественников и во многом определивших характер войны на десятилетия вперед.

Во-первых, это переход к системной наступательной стратегии «умиротворения», основанной на продвижении вглубь гор, строительстве укрепленных линий, экономическом давлении и применении принципа коллективной ответственности. А. П. Ермолов исходил из убеждения, что утвердить российское

19 Подробнее о соперничестве мировых держав в регионе в первой трети XIX в. см.: *Дегоев В. В., Стамова И. И.* Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М., 2013.

20 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6210. Л. 33.

21 Записки А. П. Ермолова. С. 100–105.

владычество на Кавказе можно только силой и демонстрацией неотвратимости наказания.

Во-вторых, особенности тактики были продиктованы как характером противника (партизанская война, набеги), так и стремлением максимально использовать преимущества регулярной армии (артиллерия, инженерное обеспечение). При этом значительное внимание уделялось психологическому воздействию на противника.

В-третьих, действия А. П. Ермолова были обусловлены четким геополитическим видением Кавказа как стратегически важного региона для Российской империи, требующего надежного контроля для противодействия влиянию Персии и Османской империи и обеспечения безопасности южных рубежей.

Хотя методы генерала А. П. Ермолова были жесткими и вызывали неоднозначные оценки уже у современников, а тем более у потомков, его рапорты и донесения свидетельствуют о том, что он рассматривал подобные подходы как единственно возможные и эффективные в сложившихся условиях для достижения целей, поставленных Российским государством. Его деятельность была направлена на укрепление имперских позиций, защиту государственных интересов и установление прочного мира на Кавказе, пусть и высокой ценой.

Значительный этап Кавказской войны связан с деятельностью генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, графа Эриванского, светлейшего князя Варшавского, который занимал пост главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и управляющего гражданской частью на Кавказе и за Кавказом с 1827 по 1831 г. Его относительно недолгое, но чрезвычайно насыщенное событиями наместничество пришлось на период Русско-персидской (1826–1828) и Русско-турецкой (1828–1829) войн, которые были неразрывно связаны с событиями на Северном Кавказе и оказали существенное влияние на ход и характер Кавказской войны в целом.

Прибыв на Кавказ в разгар войны с Персией, И. Ф. Паскевич унаследовал от генерала А. П. Ермолова сложную военно-политическую обстановку. Однако, в отличие от своего предшественника, делавшего ставку на планомерное продвижение с созданием укрепленных линий и жесткие карательные экспедиции против «немирных» горцев, Иван Федорович, будучи опытным полководцем европейской школы, тяготел к более решительным, маневренным действиям и крупным сражениям, нацеленным на быстрый разгром основного противника. Это ярко проявилось в ходе кампаний против Персии и Османской империи, где он добился впечатляющих успехов (взятие Эривани, Карса, Ахалциха, Эрзерума)²².

Однако применительно к внутренним районам Кавказа, где противником выступали не регулярные армии, а разрозненные, но упорные и умело использующие рельеф и особенности местности горские общества, классическая стратегия И. Ф. Паскевича требовала адаптации. Анализ его донесений показывает, что он рассматривал действия горцев (особенно во время внешних войн, когда Персия и Турция пытались их поднять против России) как серьезную угрозу тылу и коммуникациям действующей армии. В его рапортах постоянно звучит требование «примерного наказания» восставших аулов и «устрашения» непокорных племен для обеспечения стабильности в крае.

Особенностью подхода И. Ф. Паскевича было стремление к концентрации сил для решающего удара. Он неоднократно указывал на недостаточность войск для одновременного ведения войны на внешних фронтах и эффективного контроля над всем Северным Кавказом. В донесениях императору он подчеркивал необходимость иметь «достаточные силы для занятия важнейших пунктов и для быстрых экспедиций во внутренние районы гор»²³.

22 См. подробнее: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 3: Октябрь 1827 – май 1831 гг. СПб., 1891.

23 АКАК. Т. VII / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1878. С. 325, 339.

И. Ф. Паскевич осознавал специфику горной войны: трудность использования артиллерии и кавалерии в полной мере, важность разведки, внезапность нападений горцев, их умение быстро рассеиваться и вновь собираться. Однако его основной стратегией оставалось нанесение концентрированных ударов по центрам сопротивления, разрушение их материальной базы (посевы, запасы продовольствия) и принуждение к покорности силой оружия. Он верил в превосходство регулярной армии и дисциплины над «дикими», по его терминологии, но храбрыми горами.

Важной особенностью, отраженной в документах И. Ф. Паскевича, является его понимание необходимости создания прочной военно-административной инфраструктуры. Он продолжал ермоловскую практику строительства крепостей и укрепленных линий, но рассматривал их не только как средство обороны, но и как опорные пункты для наступательных операций и административного контроля над прилегающими территориями²⁴.

Период наместничества И. Ф. Паскевича был временем не только военных побед, но и попыток наладить систему управления обширным и многонациональным краем. Его рапорты свидетельствуют о глубоком погружении в административные дела, хотя военные задачи оставались приоритетными. Иван Федорович видел Кавказ как неотъемлемую часть Российской империи, требующую унификации управления и интеграции в общеимперскую систему, но с учетом местной специфики.

В своих донесениях он часто жаловался на нехватку квалифицированных чиновников, на злоупотребления местных властей и трудности введения российских законов и порядков²⁵. При этом И. Ф. Паскевич пытался опираться на лояльную часть местной знати, привлекая ее на русскую службу, жалую чины и награды. Он понимал важность экономического фактора в «умиротворе-

24 Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994. С. 158–160.

25 АКАК. Т. VII. С. 339–342.

нии» края, поощрял развитие торговли, ремесел, использование природных ресурсов, однако эти меры в условиях непрекращающихся военных действий имели ограниченный эффект.

Особенностью его подхода к «немирным» горцам было сочетание жестких военных мер с попытками дипломатического воздействия и привлечения на свою сторону отдельных племен и лидеров. Документы показывают, что И. Ф. Паскевич был готов вести переговоры, брать аманатов (заложников) из знатных семей, обещать льготы и сохранение традиционного уклада жизни в обмен на признание власти императора и прекращение набегов²⁶. Однако вероломство и постоянные нарушения договоренностей со стороны части горских обществ, подогреваемых внешними эмиссарами (особенно турецкими во время войны 1828—1829 гг.), заставляли его вновь и вновь прибегать к силе²⁷. В рапортах он оправдывал суровые меры необходимостью «внушить страх» и «показать силу русского оружия» как единственно понятный для «диких народов» аргумент.

Политика И. Ф. Паскевича, при всей ее жесткости, была направлена на установление прочного мира и порядка в регионе, раздираемом внутренними усобицами и внешними интригами. Интеграция Кавказа в состав России рассматривалась им как безальтернативный путь к прекращению анархии, развитию экономики и культуры народов края, защите южных рубежей империи от агрессивных соседей. Его действия, продиктованные имперским мышлением и военной логикой того времени, объективно способствовали укреплению позиций России на Кавказе, что в долгосрочной перспективе создало условия для стабильного развития региона.

Донесения И. Ф. Паскевича отражают и те колоссальные трудности, с которыми сталкивалось русское командование и администрация на Кавказе.

26 История Юго-Осетии в документах и материалах. Т. II: (1800—1864 гг.) / сост. Н. И. Цховребов. Сталинир, 1960. С. 352.

27 Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб., 2008. С. 165.

В первую очередь это природно-географический фактор: непроходимые горы, суровый климат, отсутствие дорог — все это чрезвычайно затрудняло передвижение войск, снабжение, ведение боевых действий. И. Ф. Паскевич неоднократно докладывал о потерях от болезней, трудностях форсирования рек и преодоления перевалов.

Главнокомандующий отмечал храбрость, выносливость горцев, их прекрасное знание местности и умение вести партизанскую войну. Особую проблему представляло отсутствие единого центра у «немирных» племен (до активной фазы мюридизма, развернувшейся уже после отъезда И. Ф. Паскевича), что делало невозможным достижение мира путем разгрома одной армии или взятия одной столицы. Победа над одним обществом не гарантировала покорности другого²⁸.

Снабжение войск продовольствием, фуражом, боеприпасами в условиях горной войны и враждебного окружения было постоянной проблемой для командования. И. Ф. Паскевич уделял этому вопросу огромное внимание в своих рапортах, требуя ресурсов и указывая на риски срыва операций из-за проблем с логистикой²⁹.

Немаловажным являлся и внешнеполитический фактор: постоянная угроза вмешательства Персии и Османской империи, их попытки использовать горцев в своих интересах, поддержка ими антироссийских сил — все это осложняло ситуацию и требовало от И. Ф. Паскевича ведения войны фактически на несколько фронтов. Его победы над этими державами существенно ослабили их влияние на Кавказе, что стало важным достижением его наместничества.

Период наместничества И. Ф. Паскевича на Кавказе (1827–1831) был отмечен блестящими победами над внешними

28 *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV: Турецкая война 1828–1829 г. СПб., 1882. С. 177.

29 АКАК. Т. VII. С. 329.

врагами — Персией и Турцией, что значительно укрепило стратегические позиции Российской империи в регионе. Анализ его рапортов и донесений позволяет выделить следующие особенности Кавказской войны его времени: ориентация на решительные военные операции и разгром основных сил противника (применительно к внешним войнам); признание специфики горной войны и необходимости сочетания силовых акций (карательных экспедиций) с мерами административного контроля и попытками дипломатии в отношении «немирных» горцев; акцент на создании военно-административной инфраструктуры (крепости, дороги); понимание важности, но и сложности интеграции края в общее имперское пространство при сохранении определенной местной специфики.

Документы И. Ф. Паскевича отражают имперское видение Кавказа как стратегически важного региона, требующего «умиротворения» и установления твердой российской власти, обеспечения безопасности южных границ и распространения «цивилизации» и порядка. Признавая храбрость и упорство горцев, Иван Федорович, как и большинство российских военачальников того времени, видел в силе оружия главный инструмент достижения покорности и стабильности. Его деятельность была направлена на реализацию государственной задачи по утверждению России на Кавказе, прекращению многовековой нестабильности и по созданию условий для будущего мирного развития региона в составе империи.

Фигура генерала Григория Владимировича Розена, стоявшего во главе Кавказского корпуса и гражданского управления краем в один из критических периодов войны (1831—1837), является ключевой для понимания эволюции российской политики и стратегии на Кавказе³⁰. Период его командования пришелся на один из наи-

30 Некоторые замечания относительно периода управления Кавказом Г. В. Розеном см.: *Ткаченко Д. С.* Кавказская политика России по документам личного архива Г. В. Розена // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1069–1080.

более напряженных этапов войны, связанный с активной деятельностью имамов Гази-Мухаммада и Гамзат-бека, а также началом возвышения Шамиля.

Одной из главных особенностей Кавказской войны, постоянно подчеркиваемой в донесениях Г. В. Розена, являлся уникальный характер театра военных действий. Горная, труднопроходимая местность, изрезанная ущельями, покрытая густыми лесами, создавала идеальные условия для партизанской войны, которую вели горцы. Г. В. Розен неоднократно докладывал о трудностях передвижения войск, снабжения гарнизонов, организации масштабных наступательных операций. В своих рапортах он отмечал, что «война в горах требует совершенно иных правил и навыков, нежели война в поле»³¹. Классические европейские тактики линейного боя оказывались малоэффективными против внезапных нападений из засад, стремительных набегов на коммуникации и укрепленные пункты.

Генерал Г. В. Розен детально описывал тактику противника, которую с европейской точки зрения часто характеризовал как «вероломную» и «хищническую». Он указывал на мастерство горцев в использовании рельефа местности, их неуловимость, способность быстро собираться в крупные отряды для нападения и так же быстро рассеиваться после боя. Эта «малая война» требовала от русских войск постоянного напряжения, изматывала личный состав и требовала значительных ресурсов для охраны обширных территорий и коммуникационных линий. Важно понимать, что с российской точки зрения такая тактика воспринималась не просто как военная хитрость, а как проявление дикости, отсутствия понятий о «честной войне», что лишь укрепляло уверенность в необходимости цивилизаторской миссии России.

Период командования Г. В. Розена совпал с пиком первой фазы движения мюридизма под руководством имамов Гази-Мухам-

31 См. подробнее: АКАК. Т. VIII / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1881. С. 339–391.

мада и Гамзат-бека. Розен одним из первых в полной мере осознал опасность этого нового явления, которое придавало разрозненному сопротивлению горцев идеологическую основу и организационную структуру. В своих донесениях он подчеркивал фанатизм мюридов, их готовность к самопожертвованию во имя «священной войны» против «неверных». Он докладывал императору о проповедях имамов, их влиянии на население Дагестана и Чечни, попытках создать теократическое государство — имамат³².

Г. В. Розен видел в мюридизме не только военную, но и политическую угрозу стабильности российского владычества. Он указывал на то, что религиозные лозунги позволяли преодолевать традиционную племенную раздробленность и объединять различные горские общества для борьбы с Россией. Его донесения свидетельствуют о попытках противодействовать этому влиянию не только силой оружия, но и через поддержку лояльных России местных владетелей и духовенства, а также путем административных мер. Борьба с имаматом стала центральной задачей Г. В. Розена, и его рапорты подробно описывают военные экспедиции против оплотов мюридов, таких как Гимры, где пал Гази-Мухаммад, или Хунзах, где был убит Гамзат-бек. Эти успехи, однако, как показывали дальнейшие события, не смогли искоренить само движение, что также отражалось в более поздних донесениях командующего, выражавшего обеспокоенность ростом влияния Шамиля.

Генерал Г. В. Розен, будучи не только военачальником, но и главой гражданской администрации, понимал, что утверждение российской власти на Кавказе невозможно исключительно военными методами. Его донесения и распоряжения свидетельствуют о постоянных усилиях по налаживанию административного управления, строительству объектов инфраструктуры и попытках интеграции региона в экономическое пространство империи.

Он придавал большое значение строительству дорог (в частности, Военно-Грузинской и Военно-Сухумской), которые не только облегчали передвижение войск, но и способствовали развитию торговли и связей между различными частями края.

В рапортах Г. В. Розена содержатся сведения о мерах по поощрению переселенцев, развитию земледелия и ремесел в подконтрольных районах, попытках введения российского законодательства и судопроизводства, хотя он и осознавал трудности слома вековых традиций и норм адата и шариаата. Эти действия рассматривались им как неотъемлемая часть «умиротворения» — процесса не только военного подавления сопротивления, но и постепенного вовлечения местного населения в орбиту российской государственности и цивилизации. Он верил, что демонстрация преимуществ мирной жизни под сенью империи, обеспечение безопасности от междоусобных распри и внешних угроз (со стороны Персии и Османской империи) со временем склонят горцев к лояльности.

Документы генерала Г. В. Розена не скрывают и огромных трудностей, с которыми сталкивалась российская администрация и армия. Одной из постоянных тем его рапортов является нехватка войск и ресурсов. Он неоднократно обращался в Санкт-Петербург с просьбами об увеличении численности Кавказского корпуса, указывая на растянутость коммуникаций и необходимость держать гарнизоны в многочисленных укреплениях³³.

Другой серьезной проблемой были высокие потери не столько от боевых действий, сколько от болезней. Суровый климат, непривычные условия жизни, эпидемии (особенно малярии и лихорадки) уносили множество солдатских жизней. Г. В. Розен докладывал о необходимости улучшения санитарных условий в войсках, но решить эту проблему в полной мере в тех условиях было крайне сложно³⁴.

33 АКАК. Т. VIII. С. 366.

34 Ткаченко Д. С. Указ. соч. С. 1074.

Кроме того, Г. В. Розену приходилось действовать в условиях сложной системы управления Кавказом, где военная и гражданская власть были тесно переплетены, а влияние различных ведомств и отдельных высокопоставленных лиц иногда приводило к несогласованности действий. Его переписка отражает и эти бюрократические трудности, необходимость постоянно обосновывать свои решения перед столицей, которая не всегда в полной мере представляла специфику кавказской ситуации³⁵.

Анализ документальных свидетельств деятельности генерала Г. В. Розена позволяет выявить ряд характерных особенностей конфликта. Во-первых, это уникальный характер театра военных действий и партизанская тактика горцев, требовавшие адаптации российских военных методов. Во-вторых, это мощный религиозно-политический фактор в лице мюридизма и формирующегося имамата, который придавал сопротивлению организованный и идеологически мотивированный характер. В-третьих, это осознание российским командованием необходимости сочетания военных мер с административными, хозяйственными и цивилизационными усилиями для долгосрочного умиротворения края.

Политика эпохи Г. В. Розена ярко демонстрирует имперскую перспективу, в рамках которой Кавказская война рассматривалась как тяжелый, но необходимый процесс интеграции стратегически важного региона, прекращения внутренних усобиц и внешних влияний и приобщения его населения к благам российской государственности и культуры. Несмотря на все трудности — нехватку ресурсов, болезни, упорное сопротивление, — его деятельность на посту главнокомандующего была направлена на реализацию этой стратегической цели Российской империи.

Особый интерес для понимания специфики Кавказской войны как особого типа военно-политического конфликта представляет период командования Отдельным Кавказским корпу-

35 Там же. С. 1073–1074.

сом генерала от инфантерии Евгения Александровича Головина (1837–1842)³⁶. Назначенный на эту должность в сложный момент активизации движения горцев под руководством имама Шамиля, он столкнулся с необходимостью выработки и реализации стратегии, адекватной новым вызовам.

Одной из главных особенностей, постоянно подчеркиваемой в донесениях Е. А. Головина, был асимметричный характер войны. Российская регулярная армия, ориентированная на европейские театры военных действий, столкнулась на Кавказе с противником, мастерски использовавшим тактику партизанской войны. Евгений Александрович неоднократно докладывал императору Николаю I о трудностях ведения боевых действий против неуловимых горских «партий», действовавших на знакомой им пересеченной местности.

В своих рапортах Е. А. Головин отмечал ряд характерных особенностей кавказского театра военных действий. Среди них он выделял высокую мобильность горцев: они могли быстро собираться в крупные отряды для нападения и столь же быстро рассеиваться при появлении превосходящих сил русских войск³⁷. Кроме того, противник российской армии мастерски использовал особенности местного рельефа: знание каждой тропы, ущелья, лесного массива давало горцам неоспоримое преимущество при организации засад, внезапных атак и отступлений. Е. А. Головин писал о необходимости создания специальных «летучих отрядов» и усиления разведки для противодействия этой тактике³⁸.

Хотя русская армия превосходила горцев в артиллерии и регулярной пехоте, последние эффективно использовали индивидуальное стрелковое оружие (кремневые ружья), кинжалы и шашки

36 Общий очерк этого периода см.: Кондусов В. С. Военно-административная и политическая деятельность Е. А. Головина на Кавказе в 1838–1842 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017.

37 АКАК. Т. IX / под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1884. С. 450–455, 460–468.

38 Там же. С. 470–472.

в ближнем бою, особенно в условиях гор и лесов. Их тактика часто сводилась к изматыванию противника постоянными мелкими нападениями, нарушению коммуникаций и нападениям на фуражиров.

Генерал Е. А. Головин, как и многие другие русские военачальники, признавал личную храбрость и упорство горцев, особенно последователей мюридизма, идеологически мотивированных на борьбу с «неверными». В донесениях, касающихся борьбы с Шамилем, подчеркивалась роль религиозного фактора как мощной объединяющей и мобилизующей силы³⁹.

Е. А. Головин понимал, что стандартные методы ведения войны, эффективные в Европе, на Кавказе часто оказывались недостаточными. Противник был не просто иррегулярным формированием, а целым обществом, вовлеченным в войну, где каждый боеспособный мужчина являлся воином, а сама среда обитания служила естественной крепостью.

Кавказский театр военных действий сам по себе являлся серьезным вызовом. Горы, леса, бурные реки, суровый климат — все это создавало колоссальные трудности для операций регулярной армии. Е. А. Головин в своих отчетах постоянно указывал на целый ряд негативных моментов, связанных с ведением военных действий на Кавказе.

Снабжение войск провиантом, фуражом и боеприпасами в условиях горной войны было крайне затруднено. Дороги были редки и плохи, часто проходили по ущельям, удобным для засад. Любая крупная экспедиция требовала огромных усилий по обеспечению⁴⁰. Потеря обоза или перехват транспорта снабжения могли поставить под угрозу всю операцию.

Кавказский климат с его резкими перепадами температур, летней жарой и зимними холодами, а также распространенные болезни (особенно лихорадка) приводили к значительным небое-

39 Там же. С. 510–515.

40 См., например: *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. V. Тифлис, 1889. С. 77–84, 145–158.

вым потерям в войсках. Е. А. Головин неоднократно докладывал о высокой заболеваемости и смертности среди солдат, требуя улучшения санитарных условий и медицинского обеспечения⁴¹.

Сложный рельеф местности мешал использованию больших войсковых соединений и артиллерии, которые составляли основу мощи русской армии. Операции часто дробились на действия отдельных колонн, что увеличивало риск их разгрома по частям.

Таким образом, природа Кавказа выступала не просто фоном, а активным фактором, во многом определявшим характер войны, темп операций и саму возможность их проведения. Е. А. Головин осознавал это и пытался адаптировать русскую военную стратегию к этим условиям, делая ставку, в частности, на создание укрепленных линий и постепенное продвижение вглубь гор.

Период командования Е. А. Головина характеризуется попытками найти более комплексный подход к «умиротворению» Кавказа, который бы не ограничивался чисто военными мерами. Понимая, что одними экспедициями и штурмами аулов покорить горцев невозможно, он уделял внимание и административно-политическим и социально-экономическим аспектам.

Важным элементом стратегии Е. А. Головина было создание системы опорных пунктов и коммуникаций. Продолжалось строительство Черноморской береговой линии, возводились новые крепости и посты в глубине территории (например, укрепление в Темир-Хан-Шуре). Это позволяло закрепляться на занятой территории, контролировать ключевые пути и оказывать давление на враждебные общества⁴².

Е. А. Головин стремился наладить управление на территориях, признавших российскую власть, привлекая на службу местную знать, пытаясь внедрять элементы российского законодательства и суда, хотя и с учетом местных обычаев (адатов). Эти меры были

41 Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. С. 180–185.

42 АКАК. Т. IX. С. 600–610.

направлены на создание альтернативы власти имама Шамиля и интеграцию «мирных» горцев в имперскую систему⁴³.

Предпринимались попытки влиять на горские общества экономическими методами — поощрение торговли с «мирными» аулами, блокирование экономических связей враждебных территорий. Е. А. Головин понимал, что лишение горцев возможности сбывать продукты своего хозяйства и получать необходимые товары (соль, железо, ткани) может стать действенным рычагом давления⁴⁴.

Важной задачей было удержание в повиновении тех племен и обществ, которые уже признали власть России или колебались. Евгений Александрович использовал метод кнута и пряника: демонстрация военной силы сочеталась с попытками завоевать лояльность через льготы, поддержку пророссийски настроенных старшин и защиту от набегов враждебных соседей⁴⁵.

Однако реализация этих мер сталкивалась с огромными трудностями: нехваткой ресурсов, сопротивлением горцев, сложностью адаптации имперских институтов к местным условиям и, не в последнюю очередь, с мощным идеологическим влиянием Шамиля, успешно объединявшего разрозненные общества под знаменем газавата.

Е. А. Головин одним из первых в полной мере оценил масштаб угрозы, исходящей от мюридизма и личности имама Шамиля. В его донесениях подчеркивается, что война приобрела ярко выраженный религиозно-идеологический характер. Шамиль выступал не просто как военный лидер, но и как духовный авторитет, сумевший объединить значительную часть горцев Дагестана и Чечни на основе исламских лозунгов и шариата, заменив ими традиционные адаты⁴⁶.

43 Лапин В. В. Указ. соч. С. 99–100.

44 Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 345–350.

45 Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С. 401.

46 АКАК. Т. IX. С. 510–515, 520–525.

Е. А. Головин осознавал, что имеет дело не с обычными набегами или разрозненными восстаниями, а с целенаправленным движением, имеющим собственную идеологию и организационную структуру. Это понимание отразилось в его настойчивых требованиях к Петербургу о выделении дополнительных сил и ресурсов для борьбы с имаматом⁴⁷.

Анализ служебной документации и свидетельств, связанных с периодом командования генерала Е. А. Головина, позволяет выделить ключевые особенности Кавказской войны конца 1830-х — начала 1840 гг. Это, прежде всего, асимметричный характер боевых действий, обусловленный спецификой противника и его тактикой партизанской войны. Огромное влияние на ход конфликта оказывал природно-географический фактор, создававший значительные трудности для действий регулярной армии и логистики. В этот период наблюдаются активные попытки российского командования в лице Е. А. Головина сочетать чисто военные методы с административно-политическими и экономическими мерами, направленными на долгосрочное «умиротворение» края и его интеграцию в состав империи. Наконец, неоспоримой особенностью стало возрастание роли идеологического и религиозного факторов, связанных с распространением мюридизма и деятельностью имама Шамиля, что придало войне особую ожесточенность и потребовало от российского командования выработки новых подходов.

Деятельность генерала Е. А. Головина на Кавказе, несмотря на отдельные неудачи (как, например, тяжелые потери при попытке взятия аула Ахульго силами генерала П. Х. Граббе в 1839 г., за которую Евгений Александрович нес общую ответственность), отражает глубокое понимание сложности стоявших перед Россией задач. Его опыт показал, что покорение Кавказа требует не только военной доблести, но и системной, долгосрочной стра-

47 Там же. С. 460–468, 530–535.

тегии, сочетающей силу, административное строительство и учет местных особенностей.

В контексте Кавказской войны фигура генерала от инфантерии Александра Ивановича Нейдгардта также занимает важное место⁴⁸. Он был назначен на высшие военно-административные посты на Кавказе — главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и наместника кавказского — в сентябре 1842 г., в период, когда военные неудачи и усиление власти имама Шамиля поставили под сомнение эффективность существовавших подходов к ведению войны и управлению краем. Период командования А. И. Нейдгардта (1842—1844) стал временем поиска новых решений, попыток реорганизации как военных действий, так и системы управления, что нашло подробное отражение в его многочисленных рапортах императору Николаю I, военному министру А. И. Чернышеву и другой служебной корреспонденции⁴⁹.

В своих донесениях генерал А. И. Нейдгардт уделял значительное внимание характеристике противника и условиям, в которых приходилось действовать русским войскам. Он унаследовал ситуацию, когда имамат Шамиля достиг значительного могущества, объединив под своей властью значительную часть горских обществ Дагестана и Чечни. А. И. Нейдгардт, как и его предшественники, видел в Шамиле не просто военного лидера, но и религиозного фанатика, умело использующего ислам (в форме мюридизма) для мобилизации горцев на борьбу против «неверных». В его рапортах подчеркивается фанатичная преданность мюридов своему имаму и их готовность к самопожертвованию, что делало их особенно опасным противником⁵⁰.

48 Общие замечания, касающиеся этого периода в истории Кавказа см.: Герман Р. Э. Система мер А. И. Нейдгардта по распространению российской власти на Северном Кавказе в 1842–1844 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 7. С. 30–34.

49 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6565. Л. 2–5.

50 АКАК. Т. IX. С. 450–462.

Однако А. И. Нейдгардт также отмечал и внутреннюю неоднородность горского сопротивления. Он указывал на наличие противоречий между различными обществами, тейпами и влиятельными фамилиями, на существование «мирных» аулов, колеблющихся или даже враждебных Шамилю. Эта разобщенность, по мнению генерала, представляла собой потенциальную слабость противника, которую следовало использовать российской администрации и военному командованию. В своих планах он неоднократно предлагал меры по привлечению на сторону России лояльных горских старшин, предоставлению им привилегий и использованию их против Шамиля⁵¹.

Особое внимание А. И. Нейдгардт уделял природно-географическим особенностям Кавказа как фактору, определяющему характер войны. Труднопроходимые горы, густые леса, отсутствие дорог, суровый климат — все это создавало колоссальные трудности для действий регулярной русской армии, оснащенной артиллерией и громоздкими обозами. Горцы же, напротив, идеально приспособились к этим условиям, используя тактику партизанской войны: внезапные нападения из засад, быстрые набеги на русские укрепления и коммуникации, блокаду небольших гарнизонов. А. И. Нейдгардт в своих отчетах постоянно сетовал на изнурительность таких боевых действий для солдат, большие потери от болезней и трудности со снабжением войск в горных районах⁵². Он подчеркивал, что традиционные методы европейской войны на Кавказе малоэффективны и требуют адаптации к местным условиям.

Прибыв на Кавказ, А. И. Нейдгардт столкнулся, в частности, с провалом экспедиции 1842 г. Анализируя причины этих неудач, он пришел к выводу о порочности стратегии проведения крупномасштабных, но кратковременных карательных экспедиций вглубь гор. В своих донесениях он указывал, что такие экспе-

51 Там же. С. 465–474.

52 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6388. Л. 5–9.

диции требуют огромных затрат, сопряжены с большими потерями, но не приносят долговременного результата. Горцы временно отступали, но после ухода русских войск быстро восстанавливали контроль над территорией, а разорение аулов лишь усиливало их ненависть и решимость к сопротивлению.

А. И. Нейдгардт стал сторонником более системного и методичного подхода. Его стратегия, изложенная в ряде рапортов Николаю I, предполагала постепенное продвижение вглубь горной территории с закреплением на занятых позициях. Эта стратегия включала комплекс элементов.

Создание широких просек в лесах должно было лишить горцев их главного тактического преимущества — возможности устраивать засады и скрытно маневрировать. Это также облегчало передвижение и снабжение русских войск⁵³.

Вместо временных лагерей А. И. Нейдгардт предлагал возводить постоянные укрепления в стратегически важных точках, которые служили бы опорными базами для дальнейшего продвижения и контроля над окружающей местностью.

Понимая зависимость горцев от ресурсов равнинных районов, Александр Иванович придавал большое значение перекрытию путей снабжения имамата продовольствием, солью, оружием и другими необходимыми товарами. Он стремился усилить Кавказскую кордонную линию и наладить контроль над торговыми путями⁵⁴.

Генерал считал необходимым сочетать военные действия с мерами по привлечению на сторону России «мирных» горцев. Он предлагал привлекать местную знать к управлению, оказывать экономическую поддержку лояльным аулам. Целью было разрушение единства сопротивления изнутри. А. И. Нейдгардт пытался реализовать эту стратегию, начав прорубку просек и строительство укреплений, в частности, в Чечне. Однако его деятельность

53 АКАК. Т. IX. С. 485–490.

54 *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / предисл. Н. Н. Покровского, введ. и примеч. В. Г. Гаджиева. М., 2000. С. 285–287.

наталкивалась на значительные трудности: нехватку войск и ресурсов, упорное сопротивление горцев, которые активно мешали прорубке просек и атаковали строящиеся укрепления, а также сложность и затратность самих работ.

Будучи не только главнокомандующим, но и наместником, А. И. Нейдгардт нес ответственность за управление всем Кавказским краем, включая как покоренные, так и враждебные территории. В его донесениях отражена вся сложность этой задачи. Он понимал, что чисто военными мерами добиться прочного мира невозможно. Необходимо было выстраивать систему управления, которая учитывала бы местные традиции, но при этом интегрировала бы регион в общеимперское пространство.

Одной из ключевых проблем, на которую указывал А. И. Нейдгардт, была неэффективность и порой коррумпированность местной администрации на низовом уровне. Он пытался упорядочить систему управления, ввести более четкие правила и усилить контроль над чиновниками⁵⁵. Особое внимание он уделял взаимодействию с лояльными горскими элитами, пытаясь опереться на них в управлении местным населением⁵⁶. Однако найти баланс между предоставлением им автономии и обеспечением имперского контроля было крайне сложно.

А. И. Нейдгардт также осознавал важность идеологического противостояния с Шамилем. Он докладывал в Санкт-Петербург о мерах по поддержке лояльного России мусульманского духовенства, о попытках дискредитации Шамиля и его учения в глазах горцев⁵⁷. Однако сила религиозного влияния имама и успехи его войск делали эту задачу чрезвычайно трудной.

Генерал постоянно поднимал перед правительством вопрос о необходимости увеличения численности войск на Кавказе и улуч-

55 Блиев М. М., Дегоев В. В. Указ. соч. С. 390–395.

56 Герман Р. Э. Указ. соч. С. 31–32.

57 Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London, 1994. P. 145–150.

шения их материального обеспечения. Он указывал на хроническую нехватку ресурсов, которая мешала реализации его стратегических планов и подрывала боеспособность Кавказского корпуса⁵⁸. Сложности со снабжением, высокий уровень заболеваемости и потерь в войсках были постоянной темой его рапортов.

Период командования генерала А. И. Нейдгардта на Кавказе представляет собой важный этап в осмыслении Российской империей особенностей Кавказской войны и поиске путей ее завершения. Анализ документов этого времени позволяет выделить следующие ключевые особенности войны, осознанные им.

Сочетание религиозного фанатизма (мюридизма), личного авторитета Шамиля, партизанской тактики и умелого использования сложного рельефа местности делало горцев чрезвычайно опасным и трудноуязвимым врагом. При этом А. И. Нейдгардт видел и внутреннюю неоднородность сопротивления как потенциальную возможность для России. Генерал критиковал практику больших карательных экспедиций, указывая на их затратность и малую результативность в условиях горной партизанской войны. А. И. Нейдгардт стал одним из проводников идеи постепенного «сжимания» враждебной территории через прорубку просек, строительство укреплений и экономическую блокаду в сочетании с административными мерами по привлечению лояльного населения. Он также осознавал, что военные успехи должны подкрепляться созданием эффективной системы управления, работой с местными элитами и идеологическим противодействием влиянию Шамиля⁵⁹.

Постоянные жалобы А. И. Нейдгардта на недостаток войск, финансирования и трудности снабжения свидетельствуют о том, что Кавказская война была тяжелейшим бременем для Российской империи.

58 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6565. Л. 12–15; АКАК. Т. IX. С. 497–507.

59 Герман Р. Э. Указ. соч. С. 33.

Несмотря на то, что деятельность А. И. Нейдгардта не привела к коренному перелому в войне и в 1844 г. он был заменен графом М. С. Воронцовым, его анализ ситуации и предложенные им меры во многом предвосхитили дальнейшую стратегию России на Кавказе. Его рапорты и донесения остаются важным свидетельством трудностей, с которыми сталкивалась Российская империя в своем стремлении утвердить государственный порядок и интегрировать Кавказ в свое политическое и цивилизационное пространство.

Проведенное исследование комплекса донесений высших военачальников Отдельного Кавказского корпуса позволяет сформулировать ряд ключевых выводов относительно специфики восприятия и ведения Кавказской войны командным составом Российской императорской армии.

Во-первых, анализ рапортов и отчетов убедительно демонстрирует осознание высшими чинами уникальности и сложности театра военных действий. Документы изобилуют описаниями труднопроходимой горной местности, суровых климатических условий и их прямого влияния на тактику, логистику и моральное состояние войск. Командование ясно понимало, что стандартные европейские методы ведения войны требуют существенной адаптации к кавказским реалиям.

Во-вторых, документы свидетельствуют о постоянном поиске и адаптации русским командованием военно-стратегических подходов. От первоначальных экспедиций и строительства укрепленных линий до комплексного административно-военного давления — донесения отражают эволюцию взглядов на наиболее эффективные способы умирения горских народов и установления прочного контроля над территорией. При этом подчеркивается вынужденный характер многих жестких мер, продиктованных упорным сопротивлением и набеговой активностью противника.

В-третьих, одной из сквозных тем в рапортах выступает проблема ресурсного обеспечения войск и организации тыла. Слож-

ности со снабжением продовольствием, фуражом, боеприпасами, а также высокий уровень заболеваемости и потерь от климатических факторов постоянно находились в фокусе внимания командования. Эти донесения подчеркивают колоссальное напряжение сил и средств, которые Российская империя направляла на утверждение своего присутствия в стратегически важном Кавказском регионе.

В-четвертых, донесения отражают глубокое, хотя и не всегда полное, понимание высшими военачальниками этнополитической мозаичности Кавказа. Командиры корпуса анализировали взаимоотношения между различными горскими обществами, их внутренние конфликты, роль местных лидеров и религиозных деятелей. Эта информация имела критическое значение для планирования военных операций и осуществления административного управления, позволяя использовать внутренние противоречия противника и привлекать на сторону России лояльные группы населения.

В-пятых, в документах прослеживается четкое видение Кавказской войны как неотъемлемой части процесса укрепления южных рубежей Российской империи и обеспечения ее геополитических интересов. Высшие военачальники осознавали стратегическую важность Кавказа как барьера против османского и персидского влияния. Задачи по умиротворению региона рассматривались в контексте общегосударственных интересов, требующих последовательных и решительных действий.

Таким образом, комплекс донесений высшего командного состава Отдельного Кавказского корпуса позволяет реконструировать не только военно-оперативные аспекты конфликта, но и эволюцию взглядов, стратегических приоритетов и практических подходов российского военного руководства в ходе длительного и сложного процесса интеграции Кавказа в состав Российской империи.

Проанализированные документы рисуют картину многоаспектного и изнурительного противостояния, где военные операции тесно переплетались с задачами административного устройства, дипломатическими маневрами и необходимостью адаптации

к уникальным природно-географическим и этнокультурным условиям региона. Высшие военачальники демонстрировали понимание сложности театра военных действий, постоянно искали оптимальные тактические и стратегические решения, сталкиваясь с серьезными логистическими проблемами и необходимостью разбираться в запутанной местной политической обстановке.

Исследование подтверждает, что для российского военного руководства Кавказская война была не просто чередой военных кампаний, но сложнейшей государственной задачей по обеспечению безопасности южных границ, пресечению враждебного внешнего влияния и интеграции стратегически важного региона в единое имперское пространство.

Литература

1. *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
2. *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
3. *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. IV / отв. ред. В. К. Гарданов. М.: Наука, 1969. С. 3–54.
4. *Герман Р. Э.* Система мер А. И. Нейдгардта по распространению российской власти на Северном Кавказе в 1842–1844 гг. // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 7. С. 30–34.
5. *Гордин Я. А.* Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. 598 с.
6. *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 462 с.
7. *Дегоев В. В., Стамова И. И.* Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2013. 455 с.
8. *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI: Ртищев и Ермолов. СПб., 1888. 756 с.

9. История Юго-Осетии в документах и материалах. Т. II: (1800—1864 гг.) / сост. Н. И. Цховребов. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1960. 740 с.

10. *Кондусов В. С.* Военно-административная и политическая деятельность Е. А. Головина на Кавказе в 1838—1842 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: [б. и.], 2017. 27 с.

11. *Лавин В. В.* Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб.: Европейский дом, 2008. 400 с.

12. *Лисицына Г. Г.* Административная деятельность генерала А. П. Ермолова на Кавказе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX—начале XX века / сост. Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына. СПб.: Журнал «Звезда», 2009. С. 37—48.

13. *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / предисл. Н. Н. Покровского, введ. и примеч. В. Г. Гаджиева. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с.

14. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II: Ермоловское время. СПб., 1887. 780 с.

15. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV: Турецкая война 1828—1829 г. СПб., 1882. 712 с.

16. *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. V. Тифлис: Тип. окружного Штаба Кавказского военного округа, 1889. 320 с.

17. *Ткаченко Д. С.* Кавказская политика России по документам личного архива Г. В. Розена // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1069—1080.

18. *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 3: Октябрь 1827 — май 1831 гг. СПб., 1891. 524 с.

19. *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. London: Frank Cass & Co, 1994. 452 p.

References

1. Bliev, M. M. (2004) *Rossiya i gortsy Bol'shogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii* [*Russia and the Mountain Peoples of the Greater Caucasus on the Path to Civilization*]. Moscow: Mysl'.
2. Bliev, M. M., Degoev, V. V. (1994) *Kavkazskaya voyna* [*The Caucasian War*]. Moscow: Roset.
3. Degoev, V. V., Stamova, I. I. (2013) *Priz dlya pobeditelya. Mezh-dunarodnoi sopernichestvo na Kavkaze v pervoi treti XIX veka* [*Prize for the Winner. International Rivalry in the Caucasus in the First Third of the 19th Century*]. Moscow: MGIMO-Universitet.
4. Dubrovin, N. F. (1888) *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. T. VI: Rtishchev i Ermolov* [*History of the War and Russian Rule in the Caucasus. Vol. VI: Rtishchev and Ermolov*]. St. Petersburg.
5. Gammer, M. (1994) *Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan*. London: Frank Cass & Co.
6. German, R. E. (2020) "Sistema mer A. I. Neidgardta po ras-prostraneniyu rossiiskoi vlasti na Severnom Kavkaze v 1842–1844 gg." ["Neidhardt's System of Measures for Extending Russian Power in the North Caucasus in 1842–1844"], *Manuskript*, 13 (7), pp. 30–34.
7. Gordin, Ya. A. (2012) *Ermolov* [*Ermolov*]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Gordin, Ya. A. (2000) *Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka* [*The Caucasus: Land and Blood. Russia in the Caucasian War of the 19th Century*]. St. Petersburg: Zhurnal "Zvezda".
9. *Istoriya Yugo-Osetii v dokumentakh i materialakh. T. II: (1800–1864 gg.)* [*History of South Ossetia in Documents and Materials. Vol. II: (1800–1864)*] / sost. N. I. Tskhovrebov. (1960) Stalinir: Gosizdat Yugo-Osetii.
10. Kondusov, V. S. (2017) *Voenno-administrativnaya i politicheskaya deyatel'nost' E. A. Golovina na Kavkaze v 1838–1842 gg.* [*Military-Administrative and Political Activities of E. A. Golovin in the*

Caucasus in 1838–1842]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Krasnodar.

11. Lapin, V. V. (2008) *Armia Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv.* [*The Russian Army in the Caucasian War of the 18th–19th Centuries*]. St. Petersburg: Evropeiskii dom.

12. Lisitsyna, G. G. (2009) “Administrativnaya deyatel’nost’ generala A. P. Ermolova na Kavkaze” [“The Administrative Activities of General A. P. Ermolov in the Caucasus”], in *General A. P. Ermolov i rossiisko-kavkazskie otnosheniya v XIX – nachale XX veka* [*General A. P. Ermolov and Russian-Caucasian Relations in the 19th – Early 20th Centuries*] / sost. Ya. A. Gordin, G. G. Lisitsyna. St. Petersburg: Zhurnal “Zvezda”, pp. 37–48.

13. Pokrovskii, N. I. (2000) *Kavkazskie voiny i imamat Shamilya* [*The Caucasian Wars and Shamil’s Imamate*] / predisl. N. N. Pokrovskogo, vved. i primech. V. G. Gadzhieva. Moscow: ROSSPEN.

14. Potto, V. A. (1887) *Kavkazskaya voina v otdel’nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. T. II: Ermolovskoe vremya* [*The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends, and Biographies. Vol. II: The Ermolov Era*]. St. Petersburg.

15. Potto, V. A. (1882) *Kavkazskaya voina v otdel’nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. T. IV: Turetskaya voina 1828–1829 g.* [*The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends, and Biographies. Vol. IV: The Turkish War of 1828–1829*]. St. Petersburg.

16. Potto, V. A. (1889) *Kavkazskaya voina v otdel’nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh. T. V* [*The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends, and Biographies. Vol. V*]. Tiflis.

17. Shcherbatov, A. P. (1891) *General-fel’dmarshal knyaz’ Paskevich. Ego zhizn’ i deyatel’nost’*. T. 3: *Okt’yabr’ 1827 – mai 1831 gg.* [*Field Marshal Prince Paskevich. His Life and Activities. Vol. 3: October 1827 – May 1831*]. St. Petersburg.

18. Tkachenko, D. S. (2018) “Kavkazskaya politika Rossii po dokumentam lichnogo arkhiva G. V. Rozena” [“Russia’s Caucasian Policy According to Documents from the Personal Archive of G. V. Rosen”], *Vestnik arkhivista*, 4, pp. 1069–1080.

19. Volkova, N. G. (1969) “Etnicheskie protsessy v Zakavkaz’e v XIX–XX vv.” [“Ethnic Processes in Transcaucasia in the 19th–20th Centuries”], in *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. T. IV* [*Caucasian Ethnographic Collection. Vol. IV*] / otv. red. V. K. Gardanov. Moscow: Nauka, pp. 3–54.